

КРОКОДИЛ

№ 7 МАРТ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

МОСКВА 1937



К 556

16



Приветствие

председателю Винницкого облисполкома
тов. Триписскому А. А.

принятое единогласно на экстренном общем собрании сотрудников
Агронодима.

Дорогой Алексей Лукич!

Нет слов, чтобы выразить чувства, охватившие нас, когда мы узнали, что торжественный пленум Винницкого Горсовета не послал Вам приветствия. В самом деле, как это понять: секретарю обкома послали, а вам нет? Конечно, тут что-то наладно. Возможно, что тут налицо недооценка Вашей плодотворной деятельности. Нам понятны те чувства, которые побудили Вас справедливо наорать на председателя Винницкого горсовета товарища Ниселева, допустившего такое неслыханное упущение при исполнении своих прямых обязанностей. И если взаимоотношения между вами, дорогой Алексей Лукич, и товарищем Ниселевым испортились в результате этого, то пусть на себя пеняет сам Ниселев.

Нас только удивляет, где был во время пленума секретарь Винницкого горкома партии товарищ Левинзон, который, можно сказать, во многих тонкостях дошел в деле организации приветствий и бурных аплодисментов, переходящих в овации.

Ваши горячие слова: „Что это значит? Демонстрация против меня?!“ — с которыми вы набросились на Ниселева, останутся на долгие годы классическим выражением гражданского возмущения против всех и всяческих проявлений подхалимства.

Мы целиком с вами, дорогой Алексей Лукич, в эти минуты горестных переживаний недооценки Вашей деятельности. Пусть Вам будет утешением тот факт, что районные исполкомы вашей области понимают Ваши требования куда лучше товарища Ниселева. Да будет Вам утешением, что множество колхозов Винницкой области, особенно после вашего посещения, называются вашим именем. Вас совершенно несправедливо обошли в областной славе, дорогой Алексей Лукич, что мы и фиксируем с возмущением на страницах нашего журнала. (Принято единогласно).



ГУСЯ ПЕРЕБРАСЫВАЮТ

(СКАЗКА)

Жила-была в одном районном центре довольно важная птица, кажется, Гусь. И вот Гуся перебрали в другой район. Получил Гусь выписку из соответствующего протокола, под'емные получил, запаковал вещи. Построил себе прехорошенькую колясочку, запряг в нее двенадцать кроликов дугом и покати. Едет, песни поет, воздухом дышит, общается с природой, цветы нюхает.

Встречает его Петух, близкий сотрудник Гуся.

— Здравствуй, Гусь.

— Здравствуй, Петушок.

— Куда едешь, Гусь?

— В Приятный городок, Петушок.

— Возьми меня с собой, Гусь.

— А на что ты мне нужен, Петушок?

— Как на что? Я для тебя докладные записки буду составлять, тезисы к речам подготавливать, цитаты подбирать.

— Ладно, садись, Петух.

Подсел Петух в тележку, и они поехали. Гусь песни поет, воздухом дышит, общается с природой, цветы нюхает. Петух готовит приветственную резолюцию от трудящихся Приятного городка по случаю счастливого прибытия Гуся на работу. Как раз навстречу идет Заяц.

— Здравствуй, Гусь.

— Здравствуй, Зайчик.

— Куда едешь, Гусь?

— В Приятный городок, Зайчик.

— Возьми меня с собой, Гусь.

— А на кой ляд ты мне нужен, Зайчик?

— То есть как?! Я к тебе в гости ходить буду и к себе приглашать, будем в преферанс играть, в подкидного дурака.

— Ладно, садись.

Подсел Заяц в тележку, и они поехали дальше. Гусь песни поет, воздухом дышит, общается с природой, цветы нюхает. Петух готовит приветственную резолюцию от трудящихся Приятного городка по случаю счастливого прибытия Гуся на работу. Заяц прикидывает в уме, каким вареньем он угощать будет в Приятном городке Гуся и как поудобней и покрасивей ему проигрывать в преферанс и подкидного дурака. Едут. А как раз сбоку, на полянке, на солнце, спит медведь сиволапый. Он у Гуся коммунальным хозяйством заправлял.

— Здравствуй, Гусь.

— Здравствуй, Мишка.

— Куда едешь, Гусь?

— В Приятный городок, Мишенька.

— Возьми меня с собой, Гусь.

— А на что ты мне нужен, Мишенька?

— Пригожусь, Гусь. Ой, как пригожусь! А здесь мне оставаться без тебя нельзя. Загрызут самокритики.

— Ладно, садись.

Сел Медведь в тележку, и они поехали. Гусь песни поет, воздухом дышит, общается с природой, цветы нюхает. Петух готовит приветственную резолюцию от трудящихся Приятного городка по случаю счастливого прибытия Гуся на работу. Заяц прикидывает в уме, каким вареньем он угощать будет в Приятном городке Гуся и как поудобней и покрасивей ему проигрывать в преферанс и подкидного дурака. А Медведь калькулирует, во сколько обойдется постройка для Гуся дачки и какие квартиры и каким манером он будет освобождать для Гуся, Петуха, Зайца и самого себя. Как раз на мосту встречается им телка, да ласковая преласковая.

— Здравствуй, Гусь.

— Здравствуй, Буренушка.

— Куда едешь, Гусь?

— В Приятный городок, Буренушка.

— Возьми меня с собой, Гусь.

— А на что ты мне нужна, Буренушка?

— Странный вопрос, Гусь. Я где надо ушами буду за тебя хлопать. А будет твоя воля — газетку вполне свободно буду редактировать, славить тебя буду, пьедестал под тебя подводить.

— Ладно, садись.

Тут все остальные завозражали. Петух говорит: «В крайнем случае я по совместительству могу и газету редактировать»; Заяц говорит: «Я сам тоже довольно ласковый»; а Медведь говорит: «Я против телки персонально ничего не имею, но только я этот мост, на котором мы сейчас находимся, строил и поэтому за него никакой ответственности нести не могу».

Не послушался Гусь Медведя, посадил телку в тележку, мост треснул — и все провалились в воду.

А двенадцать кроликов, запряженных дугом, вылезли из воды и говорят:

— Мы уже давно предвидели, что это безобразие и семейственность, но только как-то неудобно было перед Гусем возражать.

Л. ЛАГИН



В ВЕК НЫНЕШНИЙ И В ВЕК МИНУВШИЙ

(ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА)

Степана Алексеевича Молчалина (правнука)

Весь род наш был предан делу искательства и угодливости как наивернейшим средствам преуспевать в жизни.

Прадед мой, как известно, описан незабвенным А. С. Грибоедовым. Бессмертное перо М. Е. Салтыкова-Щедрина касалось биографии прадеда и деда моих. Мой отец неоднократно был упоминаем в фельетонах и статьях последней трети прошедшего века.

Забывтый нынешними авторами, я не забыл заветов своих предков и посему хотел бы провести параллели между подхалимством прошлого и подхалимством современным.

Ранее всего принужден я отметить крайнюю степень усложнения, в какой видим мы теперешний подхалимаж. Давно ли я, перешедший на советскую службу из канцелярии империи, поучал нерасторопных моих товарищей нехитрому искусству пропускать начальника в двери прежде себя или подавать ему спичку, не дожидаясь для сего просьбы...

Немного ушло времени, а как ушла вперед техника подхалимажа!

Мы, подхалимы прошлого, обладали, в сущности, скудными навыками вертлявых телодвижений и подчеркнутой робостью в присутствии начальства. Умели мы изустно поздравлять своего шефа с хорошей погодой или наступающим праздником. Могли подносить по подписке адрес-альбом, чернильный прибор. Умели, разумеется, и польстить с глазу на глаз в его, начальника, кабинете.

Но что, в сущности, могли мы в качестве лести сообщить нашему патрону? Что он мог бы при желании нас уволить? Он сам о том знал отлично. Что нету ему равного гения по части овладения стилем казенной переписки? Но талант сей может быть предметом восхищения лишь со стороны посвященных.

Иное зрим мы теперь. Вот перед нами некий нынешний начальник. Он привык к славе в среде своих подчиненных и вообще работников данного ведомства. Именно здесь имя его вызывает почтительные паузы, именно здесь петлистый росчерк его подписи из невнятного иероглифа обращается в призыв ко вниманию и исполнительности. Спрашивается: как должно поступать подхалиму, желающему холопством своим снискать начальственное благоволение? Ужели восторженно раз'яснить начальнику его величие внутри данного ведомства? Неумный и почти бесполезный труд!

Нет, нынешний подхалим, раскусивший цеславные помыслы своего начальника, лезть свою будет трюить именно на том, чтобы разорвать сии цепи начальственной фанаберии. Славу ведомственную обратить во славу всеобщую. Величю районному сообщить масштаб, по малой мере, краевой.

Отсутствие собраний и широких совещаний лишает старозаветных подхалимов прошлого возможности встречать своего начальника горячими рукоплесканиями. Оно же, это отсутствие частых ассамблей, отменяло и всякого рода выступления с речами (с докладами, в прениях, по личному поводу), в которых возникают поводы неумных словословий по адресу начальника.

Засим следуют обращения, телеграммы, резолюции, адресованные все ему же — нашему благодетелю и жизнедателью.

Эти документы, напечатанные после хотя бы в своей многотиражке, способны надолго поддержать иллюзию того, что уже вся страна, а не только работники данного предприятия знают и чтут нашего начальника. (А какое при сочинении сих обращений открывается поприще для приложения дарований самого подхалима! — заметим в скобках.)

А возникшая ныне возможность нарекать именем начальника вновь организованные ясли, крупорушки, прачечные и иные гиганты с персоналом до 20 человек?

Что мы, Молчалины прошлого, можем противопоставить этому?..

Да, многое усовершенствовано в наши дни по части подхалимства. Одно лишь невыгодно отличает нынешнее положение вещей от прежнего. Мы имеем в виду следующее: в оны дни подхалимство было ненаказуемо. Даже публикации Грибоедова и Салтыкова не помешали прадеду моему свершить служебную карьеру. Наоборот, подобострастие, оказываемое Алексеем Степанычем своему начальству, несмотря на литературные нападки, было сочтено некоей разновидностью гражданского мужества и споспешествовало скорейшему получению им наградений и продвижению по службе. Также преуспевали и дед, и отец, и я сам, пока находился на службе у царского режима. А теперь?

Теперь, несмотря на всю свою возросшую технику, стоит современный подхалим голым и беззащитным перед ударами любого из своих сограждан или подчиненных. Стоит только предать гласности сообщение о том, что, мол, там-то и там существует подхалим Алексей Степанов сын или Степан Алексеев сын Молчалин, — и нет больше деятеля и низкопоклонника Молчалина. Отрешенный от должности и осмеянный в газетах, доставивший взмысли самому начальнику своему, стоит нынешний Молчалин перед необходимостью вновь начинать жизненный путь.

И еще скажу: мы, подхалимы прошлого, были чисты в своих побуждениях. Да, да! Составление служебной карьеры — вот главная и нескрываемая цель, к какой стремились мои предки и их единомышленники. А ныне мы видим подхалимов, прикрывающих своим низкопоклонством цели, от которых с омерзением отшатнулся бы и сам прадед мой Алексеев Степаныч. Угодять начальству для сокрытия своей истинной деятельности, состоящей из подготовки смертоубийств и государственной измены, — на это мы, Молчалины, никогда не шли. Маской угодливости прикрывать лицо, на коем нету ничего, кроме подлости и злобы, — от сего отшатнулись бы и дед и отец мой!

За всем изложенным мы приходим к выводам, неутешительным для современности. Все изменилось к худшему в среде подхалимства: и люди, и средства, и цели. Нужно ли говорить, что самые условия жизни сего дня, дающие возможность всякому прожить и без искательства (чего никогда не бывало в прошедшем), — сии условия и вовсе в неприглядном виде выказывают сегодняшних моих собратьев?..

С. А. МОЛЧАЛИН (правнук)

Доставлено В. АРДОВЫМ



Стрелы самокритики

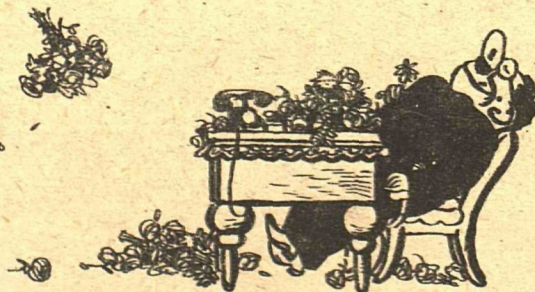


Рис. Л. Генца

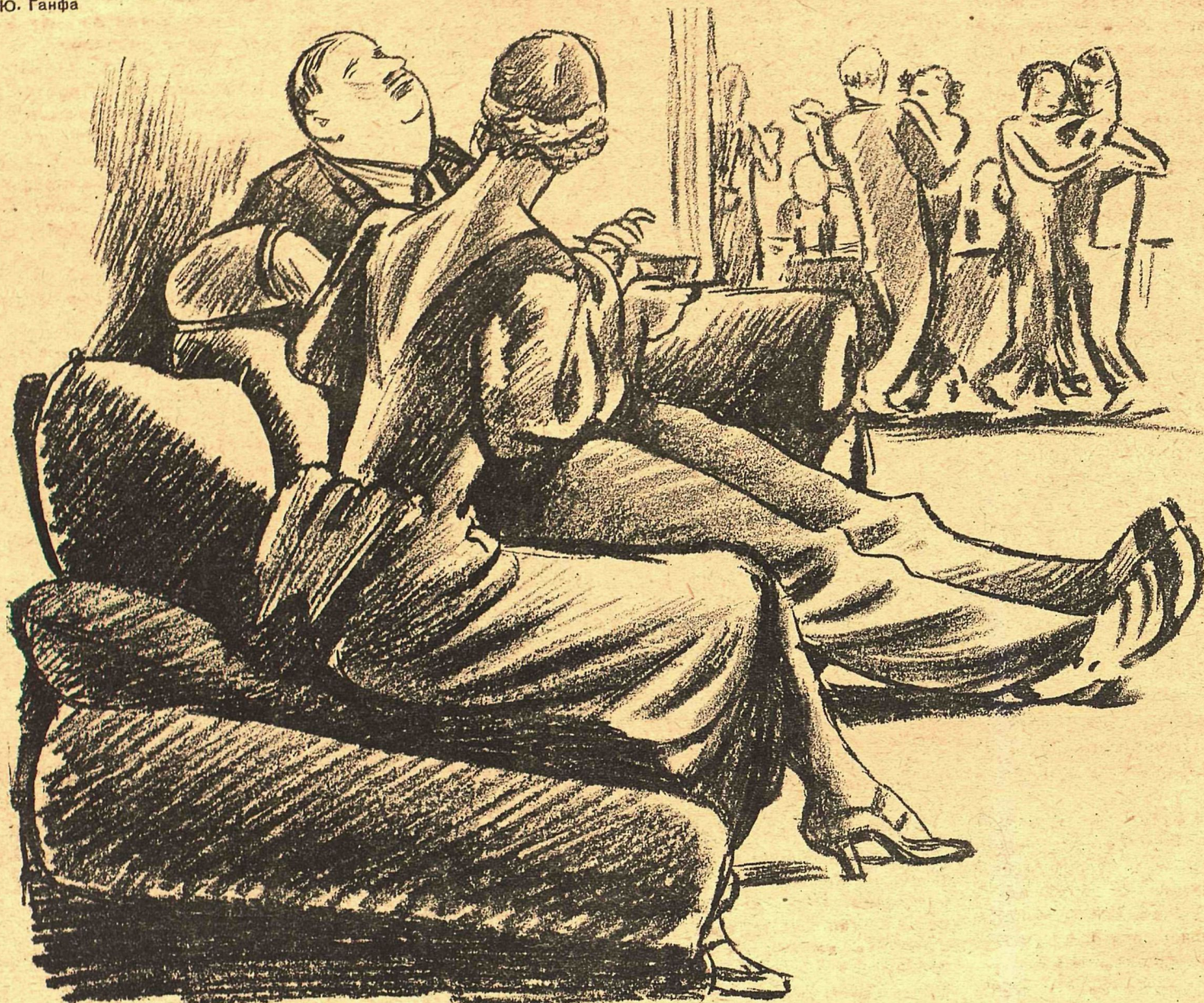
НАЧАЛЬСТВО ОХОТИТСЯ

Рис. К. Ротва



— Ваш песик утомился! Разрешите я за него побегаю по горячим следам!

Рис. Ю. Ганфа



ЮГ
37

— Ну, Петр Петрович уехал! Ты можешь закрыть свою спину, а я—разогнуть свою.

ТОВАРИЩ ПОДДУВАЛОВ

(СЦЕНЫ)

ПЕРВАЯ СЦЕНА

Приемная. Двери в кабинет товарища Поддувалова открыты. Стол секретаря. За столом девица, решающая крестословицу „Вечерней Москвы“.

Посетитель. Товарищ Поддувалов у себя?

Секретарша. Товарища Поддувалова нет. Вы откуда?

Посетитель. Как вам сказать? Из дому.

Секретарша. Я вас не спрашиваю, откуда вы. Я вас спрашиваю: вы откуда? (Звонит телефон. Секретарша берет трубку.) Товарища Поддувалова нет. Кто

говорит? Товарищ Смирнов? Откуда? Я вас не спрашиваю, откуда вы. Я вас спрашиваю: вы откуда? Из комитета по охране водорослей? Товарища Поддувалова нет. (Положила трубку.) Вам что?

Посетитель. Мне товарища Поддувалова.

Секретарша. У товарища Поддувалова совещание.

Посетитель. А вы говорите: его нет?

Секретарша. Я говорю, его нет, потому что у него совещание. (Смотрит с победоносным видом. Звонит телефон.) Вас слушают. То-

варища Поддувалова нет. Кто говорит? Гушин? Из управления делами? Не из управления делами? Просто Гушин. Вчера звонили? Товарищ Поддувалов имеет в виду вас принять. Когда именно? Я не имею указаний. Товарищ, положите трубку. Мне звонят по другому телефону. (Положила трубку.) Вы к кому?

Посетитель. Третий раз отвечаю: к товарищу Поддувалову.

Секретарша. Товарищ Поддувалов на докладе.

Посетитель. Вы говорили, что его нет и что у него совещание.

Секретарша. Я и говорю, его нет, у него доклад и он на совещании.

Посетитель. Лучше не скажешь. Гляжу на вас: завитая, как пудель, а по характеру волкодав.

Секретарша (грозно). Что?

(Неизвестно, чем кончился бы разговор, если бы в это мгновение не вошел Поддувалов.)

Поддувалов (посетителю). Андрюша! (Обнимаются.) Сколько лет и зим! Вот кого рад видеть. (Окаменевшей секретарше.) Чаю! (Проходят в кабинет.)

СЦЕНА ВТОРАЯ

Поддувалов и посетитель

Поддувалов. Да, я рад тебя видеть, старина. Вспоминаю героическое время, когда мы работали в ликвидоме по делам «Книга — младенцу». Вижу, как сейчас, ту громовую эпоху, когда я принимал дела от Бейбулатова, который развалил общество «Самовяз». Славное было время, дорогой Андрюша. Эпос.

Посетитель. Именно эпос... У меня к тебе просьба, Ваня.

Поддувалов (в некоторой тревоге). Просьба?

Посетитель. Ты знаешь, я больше всего работал по научной части. Теперь пришли для меня в некотором смысле черные дни... Ты меня слушаешь?

Поддувалов (несколько сухо). Да. Слушаю. Черные дни?

Посетитель. Я не совсем правильно выразился. «Черные дни» — это не совсем правильно. Вернее сказать, — испытание.

Поддувалов (совсем сухо). Испытание? Но, собственно, в каком смысле я могу...

Посетитель. А я тебе объясню. Иду на организационную работу. Ты опытный организатор. У тебя опыт, знание людей. Вот я пришел потолковать, поучиться, перенять, так сказать, опыт.

Поддувалов (не скрывая радости). Ах, так! А я признаюсь думал... Ну ты сам понимаешь: в такое время «черные дни», «испытание». (Звонит. Входит секретарша.) Тамара Робертовна, я умер, меня нет, я не существую.

Секретарша. Понимаю. (Исчезает.)

Поддувалов (встает). Дорогой Андрюша! (Вдохновенно.) Ты просишь меня поделиться опытом. Опыт! Великая вещь опыт! Двадцать лет назад я, можно сказать, взял в руки руль...

Посетитель. Это когда ты был комиссаром от Временного правительства?

Поддувалов. Прости, я оговорился. Двенадцать лет назад, я взял в руки руль... Прошло двенадцать лет, и я могу кое-кого научить работать и жить. В чем заключается основа, зерно деятельности большого человека? Знание людей.

Умей видеть человека насквозь, знай его качества. Начнем с моего начальника. Пример. (Берет телефонную трубку, вертит круг телефона-автомата.) Фомин! Бить тебя некому, Фомин! Какого рожна ты сидишь?! Прости меня; я человек простой, я прямой человек. Не дело тебе с насморком выходить на работу... Что? Пустяк? Нет, брат! Насморк не пустяк. Вот ужо приду я, отругаю твою Машу за то, что выпустила из дому. Ну ладно, ладно! Мы в гимназиях не обучались... Вот что, Фомин, я простой человек, говорю, что думаю, грубый я человек — это правда. Выступление твое вчера мне, откровенно говоря, не понравилось. Разве я того от тебя ждал? Разве так ты говорил на четырехлетию общества резчиков по мрамору? А твоя речь на юбилее академика Питонова. Вот, сам чувствуешь. То-то... Будь здоров! Забегу в конце дня. (Положил трубку). Ну-с? (Посетитель качает головой. Входит секретарша.) Я, кажется, сказал, что меня нет!

Секретарша (значительно). Иван Авдеич у телефона. (Исчезает.)

Поддувалов (хватает телефонную трубку). Поддувалов у телефона. Иван Авдеич? Как же, получил, Разрешите сказать, Иван Авдеич! Я мыслю себя вашим учеником. Нет, клянусь вам! Именно так. Вы для нас вдохновитель, вы нас поощряете, выдвигаете и лелеете. И всегда я счастлив выполнять ваши указания, работать под вашим руководством... Что? То есть как? Куда? Куда именно? Вас в Сызрань? Как неожиданно! Просто невероятно! Да. Да. Во всяком случае, Иван Авдеич... Да. Непременно. Непременно. Да. Пока! (Положил трубку. Непродолжительное молчание.) Прискорбная неожиданность. Иван Авдеич — моя опора...
Посетитель. А что?

Поддувалов. Ивана Авдеича бросают на периферию. Это, конечно, ничего не означает. Однако это далеко не то. Типичное «не то». Кто его заменит? Шварц, Булкин, Мериносов, Карандашвили?.. Загадка. (Посетителю.) Ну, вот, как сказать, приблизительно все, Андрюша. Ты в общем учти.

Посетитель. Учту, Ваня.

(Стук в дверь.)
Секретарша. Иван Авдеич у телефона.

Поддувалов (грозно). Опять! Я, кажется, сказал: меня нет.

Секретарша. Но это Иван Авдеич...

Поддувалов. Тамара Робертовна, вы же знаете! Когда я работаю, меня нет. Ни для кого нет! Даже для Ивана Авдеича! Я только что уехал. (В раздумье.) Кто же? Булкин? Нет. Шварц? Тоже нет.

Секретарша. Там еще некто Гушин.

Поддувалов. Гушин? Нет! Я, кажется, сказал: меня нет. (В раздумье.) Мериносов? Может быть, Кондратюк? (Вспоминает о посетителе.) Прости, Андрюша. Непредвиденное событие. Как-нибудь в другой раз. Но в общих чертах ты все понял.

Посетитель. В общих чертах понял. Я тебя не задержу, Ваня. Минуту...

Поддувалов. Все равно. Я спешу. Ты понимаешь, какие у нас дела? Сняли мо-

его Ивана Авдеича. Кого на его место? Буланова? Уланова? Сомнительно. Мальцева-Пальцева? Неясно. Ушкова? Каца?

Посетитель. Ну какое это имеет значение.

Поддувалов. Прости меня, Андрей, ты кретин. Какое это имеет значение? Новый человек. Надо же изучить, постигнуть, обломать. Назначат какого-нибудь облома. Но кого, кого? Соловьева? Аргамакова? Померанцева? Кого?

Посетитель. Я тебе помогу, Ваня. Уже назначили.

Поддувалов (в сомнении). Откуда ты знаешь? Ну кого? Кого именно?

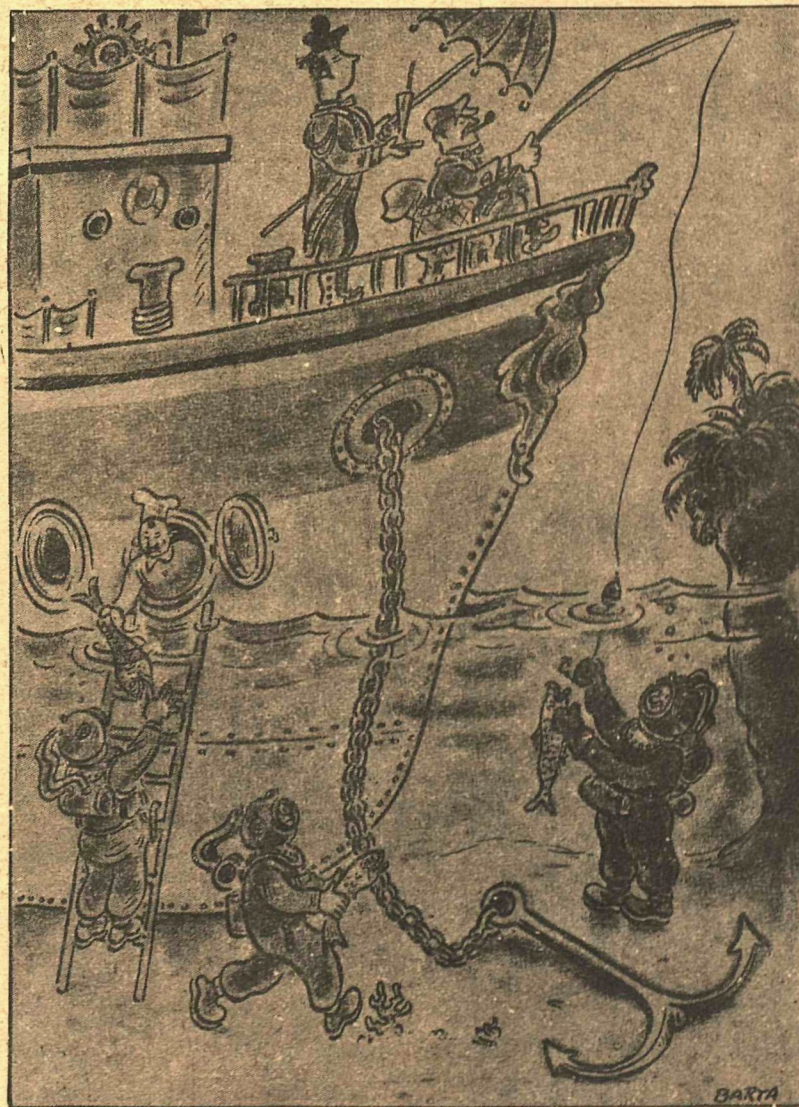
Посетитель (скромно). Меня, Ваня. (Секретарше.) Тут у вас товарищ Гушин. Просто товарищ Гушин. Никтокуда. Позовите его сюда. Он примет дела у товарища Поддувалова.

(Немая сцена.)

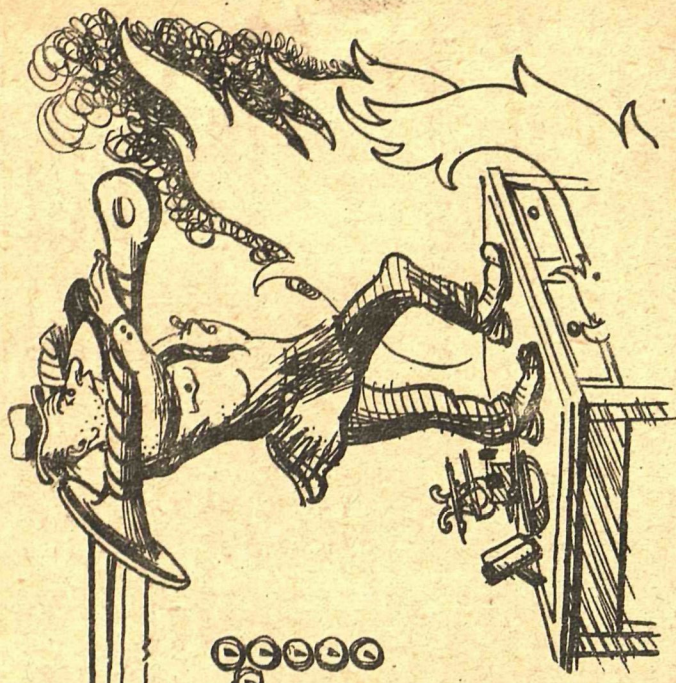
Л. НИКУЛИН

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ЕВРОПЕЙСКОЙ ТЕХНИКИ ПОДХАЛИМАЖА

Рис. худ. Барта («Muskette»)



Его высочество ловит рыбу.



ОРГАН ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ОБЪЕДИНЕНИЯ „КНОПКОДЕТАЛЬ“

ПОРА ПОЛОЖИТЬ ЭТОМУ КОНЕЦ

Редакция «Огнем и мечом» при- выкла со всей резкостью и невзирая на лица критиковать работу нашего учреждения.

Пусть не обижаются наши ува- жаемые тузлы и шипки: лучше вы- слушать горькую истину от своих друзей нежели пошлые комплименты своих врагов и недоброжелателей.

Прежде всего хочется отметить более чем странное поведение наше- го директора: он приходит в 12 ча- сов, замыкается в своем кабинете и резко, если не грубо, говорит со слу- жащими.

Конечно, работа у него нервная. За каждую мелочь он болеет душой. В его резком тоне видна боль за предприятие, боль отца, желающего поставить своих детей на путь исти- ны. Наш директор чужд гнилого ли- берализма: это не размагнитченный интеллигент, цацающийся со всеми и каждым. Его железный характер является порукой дальнейших наших успехов. И хочется низко поклонить- ся ему и сказать мерси за все те мелочи, которые мы от него видим. И хочется остеречь его от той на- пражненной работы, какую он ведет,

замкнувшись в своем кабинете с утра и до позднего полудня.

Что касается его заместителя, то этот тип со своими барскими за- машками является его противополож- ностью. Но это только кажущееся. Это — только та маска, за которой бьется горячая человеческая мысль, горячее пламенное сердце человека, страдающего и любимого всеми со- трудниками.

И хочется пожелать ему дальней- ших успехов. Хочется сказать ему:

«Правильно, Иван Иванович, вы замруководите нами! Правильно и славно ведете наше учреждение по бурному морю подвормоственной жи- зни. Гип-гип ура, Иван Иванович! Так нам и надо, глубокоуважаемый наш Иван Иванович. В вашем, таком простом и незатейливом имени — Иван Иванович, — чувствуется же- лезная воля человека и глубокая любовь к нам, маленьким сотрудни- кам, кои являются прахом и пылью под мужественной вашей походкой. Гип-гип ура, Иван Иванович, и гип-гип ура нашему славному ди- ректору!»

Пора положить конец кулуарным разговорам, пацкающим эти имена.

Э Л Е Г И Я

Посвящается директору

Вчера я шла по коридору
И вдруг увидела Вас.
Какая радость взору!
Какой волшебный сон без

прикрас!
Вы прошли своей небреж-
ной походкой,
И я замерла у стены...
Хотя от вас не несло

водкой,
Но мне показалось, что вы
пьяны.

Вы пьяны Вашей работой,
Пьяны от нашей любви.
Какой волшебной заботой
Мы окружены!
Мерси...

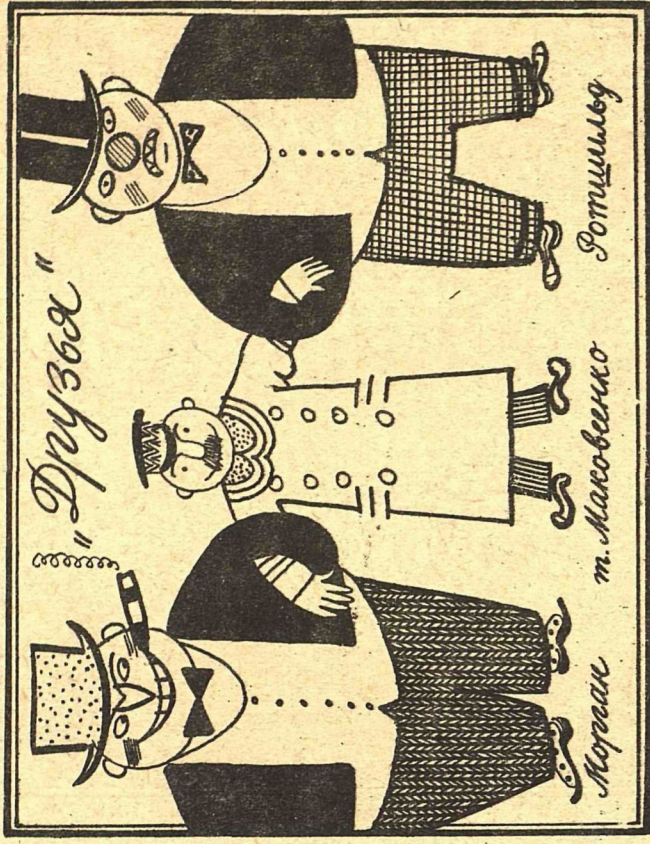
Ольга Ф.

ТАК РАСТУТ КНОПКИ

Очерк

Ровно в десять часов оживляется огромное здание нашего объединения. Вот пришел озабоченный, хмурый посетитель, немало, очевидно, по- страдавший от бюрократизма в дру- гих учреждениях. С недоверием вхо- дит он в кабинет заведующего отде- лом, не надеясь на быстрое разреше- ние его просьбы. Но не проходит и двух минут, как он радостный и сия- ющий выходит оттуда: просьба вы- полнена немедленно, без бюрократи- ческой волокиты.

Солнечные лучи заливают про- сторное помещение нашего об'едине- ния, освещая



Что снится швейцару Маковенко (см. резолюцию общего собрания).

ПЕТР ПЕТРОВИЧ У НАС

Рассказ очевидца

Этого никто не ожидал. Мы все сидели, углубившись в работу, как вдруг по нашему отделу молнией раз- неслась радостная весть: Петр Пе- трович, занятый погорло важнейши- ми делами объединения, нашел все- таки время посетить нас, рядовых

— Простите, товарищ, это курорт- но-санаторный отдел?
— Нет,— сказал я, чувствуя как старый кадровик отдела, что слова Петра Петровича придадут мне ка- кую-то особую, до сих пор не ис- пытанную бодрость. — Нет, к сожа-

РЕЗОЛЮЦИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ СОТРУДНИКОВ ОБЪЕДИНЕНИЯ „КНОПКОДЕТАЛЬ“ ПО ДОКЛАДУ ДИРЕКТОРА ОБЪЕДИНЕНИЯ ПЕТРА ПЕТРОВИЧА ДРУЦКИХ „О БОРЬБЕ С ПОДХАЛИМСТВОМ“

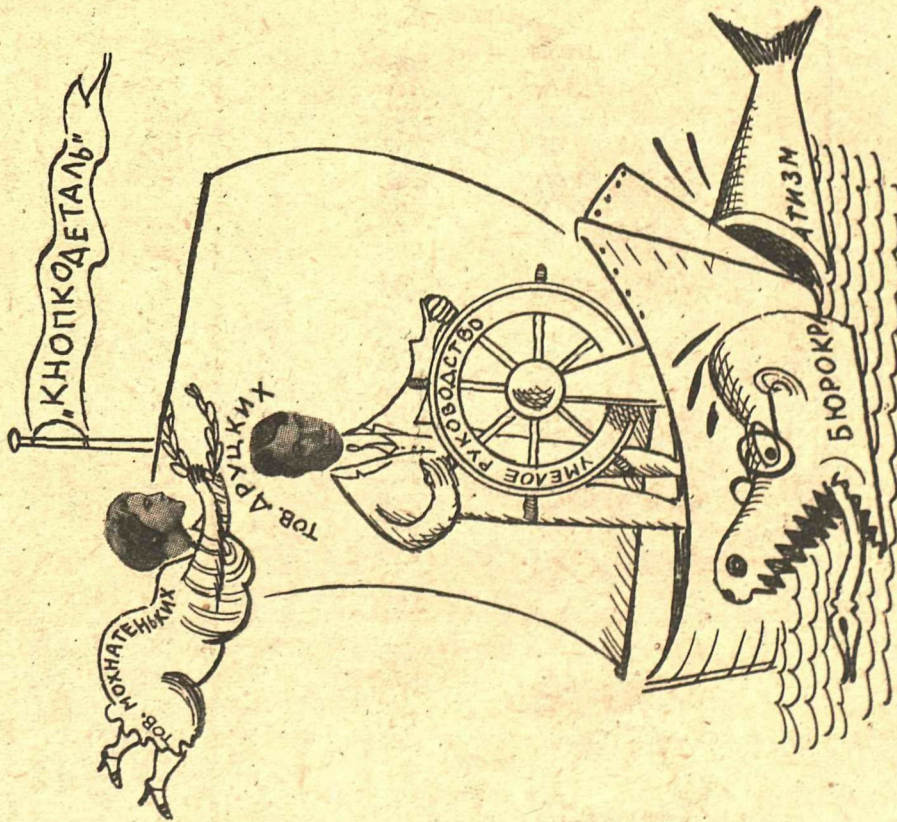
Заслушав блестящий доклад тов. Друцких П. П., общее собрание с удивительным констатирует, что доклад ярким прожектором осветил отрицательную язву подхалимства, которая раздается отдельные участки отдельных предприятий. Далекое от самоуспокоения, общее собрание не исключает возможности проявления отдельных элементов подхалимства и на отдельных участках отдельных низовых звеньев нашего объединения.

Грозным сигналом проникновения подхалимства в нашу здоровую в основном среду является тот факт, что швейцар объединения тов. Мако-веевко до сих пор продолжает при-

кладывать руку к козырьку, открывая двери перед часто не проверенными и совершенно неизвестными ему людьми.

Собрание уверено, что под испытанным и проверенным руководством дорогого Петра Петровича, чуждого подхалимству как никто, больше того, яростного беспощадного борца против гнусного дела подхалимажа, мы, здесь собравшиеся, пойдем сом-нучными железными колоннами на борьбу с возможными в будущем на отдельных звеньях нашего объедине-ния некоторыми проявлениями подхалимства. (Принято единогласно.)

Дружеский шарж чертежницы Надежды Серафимцевой



«Шляпы наш челн!»

светом прилежно склоненные головы сотрудников, плакаты на стенах, янтарные костяшки счетов и довольные лица посетителей, переминающихся с ноги на ногу у перил. Веселые трели телефонных звонков, бойкий, веселящий душу плач младенцев на руках у ожидающих приема матерей, приглушенный ропот посетителей, бодрое пощелкивание счетов — все это сливается в единую симфонию трудового дня. Это куется выполнение промплана, это звучит «Кнопкодеталь».

ВЕСЕЛО ПРОВЕЛИ ВРЕМЯ

В прошлый выходной местком провел организованную вылазку на строительство жилого дома «Кнопкодеталь». Начальник строительства дал подробные, глубоко понятные объяснения, почему дом не будет построен и в этом году. Играли два баяниста. Выступал самодельный хоровой кружок. Все чувствовали себя весело и непринужденно. С песнями и прибаутками сотрудники разошлись по домам. Многие возбужденно смеялись.

Не жилец

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Уважаемая редакция!

Давно пора ударить по подхалимским традициям прошлого, когда местком через головы сотрудников, без широкого и массового обсуждения на собраниях, преподносил тем или другим товарищам из руководства нашего объединения ценные подарки. Я вношу на широкое обсуждение общественности нашего объединения следующее предложение:

Уже многим из наших сотрудников известно, что наднях исполняется 2½-летие со дня работы у нас в объединении Петра Петровича Друцких. Я вношу на всеобщее обсуждение мое предложение: предложить Петру Петровичу художественный чернильный прибор из черного мрамора — и вношу на это дело десять рублей.

Прошу читателей «Огнем и мечом» высказаться.

ЕВГЕНИЙ МОХНАТЕНЬКИХ

Уважаемый товарищ редактор! В прошлом номере напечатана моя заметка «Поборемся с бюрократизмом». Ввиду того, что многие решили, что я это написала, про управляющего делами нашего объединения товарища Фердякова, прошу поместить разъяснение, что я писала не про него.

МАТЬ ПЯТЕРЫХ ДЕТЕЙ.

работников отдела планирования внеплановых простоев. Легко шагая, он быстро вошел в помещение отдела и очаровательно-смущенно улыбаясь спросил у меня:



А ну, подходи честной народ: Иван Петрович, машинистка, бухгалтер и счетовод. Слушайте все: от стара до мала, — Что сегодня вам расскажет ваш дед Поддевала.

Кого сегодня с песочком он продерет И самокритикой, которая нам нужна как воздух, На путь истинный проведет.

Есть у нас в учреждении товарищ Стукалов Серафим — Это законченный и вредный подхалим.

Он имеет старорежимные привычки посетителями ломает спину, как спички.

И перед посетителями дошел в подхалимстве до апогея:

А вчера Стукалов дошел в подхалимстве до апогея: И подал одной посетительнице Цинично воспользовавшись отсутствием такового, с угодли-востью лакея.

Товарищи сотрудники не могут от работы оторваться, А Стукалов находит время с посетительницами заниматься.

Товарищ Стукалов, ваш номер вам не пройдет, Вами возмущены Иван Петрович, Машинистка, бухгалтер и счетовод.

Не надевайте на себя маску джентльмена —

Из-под нее торчат ваши подхалимские колена.

Хорошо, что ваш поступок наш славный директор не видал, Он, наверное, от него в обморок бы упал.

Все на борьбу с подхалимством — от стара до мала. Пока.

Дедушка Поддевала

лению, это не курортно-санаторный отдел. Это отдел планирования внеплановых простоев.

— Ну, ничего, — сказал Петр Петрович, и стала почувствоваться в его мужественном голосе. — Вы ходит, что я ошибся. А мне как раз нужен курортно-санаторный отдел. И мужественно улыбувшись Петр Петрович вышел из комнаты.

А я как старый кадровик не могу удержаться и воскликнул:

— Товарищи сослуживцы, вы бы ли сами очевидцами, как наш директор попал в наш отдел, вместо того чтобы очутиться в санаторно-курортном. Почему это произошло, товарищи? Это произошло, товарищи, потому, что Петр Петрович за гигантской своей работой не то что не имеет времени ходить по разным своим отделам, но даже не имеет времени, как вы сами заметили по его лицу, даже вызвать к себе в кабинет во время работы парикмахера, чтобы побрить бороду и постричься. Будем же, товарищи, работать так, как работает Петр Петрович, и тогда никакие простои не ускользнут от нашего зоркого ока и каждый будущий простой будет запланирован четко и вовремя.

Вот и все, что я могу написать в свою родную беспощадную газету «Огнем и мечом». Слезы восторга и умиления не дают мне возможности проверить, правильно ли в моей заметке проставлены знаки препинания, и я прошу редакцию проставить где надо точки, запятые и восклицательные знаки. Особенно восклицательные знаки.

Кадровик-плановик

Серафимцев Г. С.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

К. С. — Не пойдет. Слишком длинно.

С. К. — Не пойдет. Слишком коротко.

П. Р-ну — Не годится. Слишком резко.

Рашилю — О товарище Друцких не пойдет.

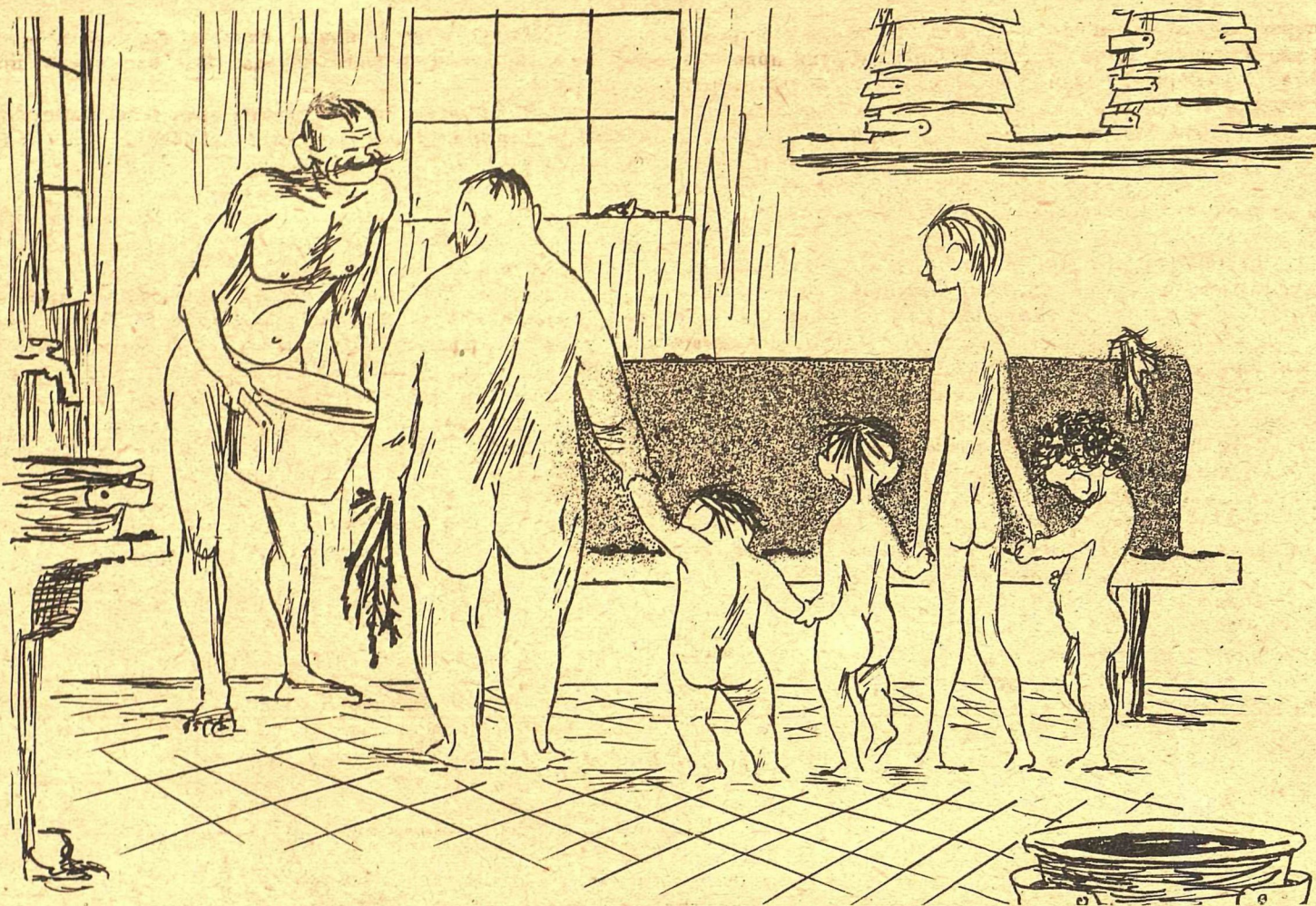
Егоркину — То же самое.

Сибирцеву — То же самое.

Комаргику — Так с подхалимством не борются.

Зуеву-Гусарову — Ваша заметка о бюрократизме и подхалимстве в отделе планирования плановых мероприятий передана для принятия мер заведующему отделом.

Редактор Г. С. Серафимцев.



- Нет уж позвольте я вашим деткам сам спинки потру. У меня опыт-с!
 — Вот как! Вы тоже многосемейный!
 — Нет, я-то холост! Но ваш предшественник,—так тот тоже был многосемейный.

ДВОЙНОЕ ТОРЖЕСТВО

Сергея Петровича Хрякина перебрасывали в другой город. Сергей Петрович покидал Коровинск. Глазами, увлажненными умилением, он оглядывал зал торжественного заседания. Все видные работники города были здесь. Вот они, дорогие соратники, с которыми три года подряд неустанно трудился Сергей Петрович на ниве коммунального хозяйства. Возьмем, например, Павла Андреевича Лужинова. Золотой человек! Какую речь произнес Павел Андреевич три года назад, когда Сергей Петрович вступал в должность председателя! Какие сумел найти проникновенные слова, придающие силу, бодрость и энергию, хватающие за душу и щекочущие эту душу!

Сергей Петрович до сих пор помнит ту речь.

— Мы счастливы,— говорил тогда Лужинов,— что среди нас находится тот, который послан вышестоящими организациями в город Коровинск для поднятия и укрепления. Заслуги Сергея Петровича всем известны. Кто не знает, что именно с помощью Сергея Петровича и под его высоким и достойным руководством были вырыты канавы в городе Болотске и тем самым нанесен удар чрезмерному увлажнению почвы?! Кто не знает, что именно благодаря усердию Сергея Петровича поставлены скамейки в саду города Болотска?! Нам очень жаль Болотск: он лишился Сергея Петровича, но нам, коровинцам, дорога судьба своего города и потому мы приветствуем Сергея Петровича в качестве нашего председателя. Ура! Виват!

Отличный человек Павел Андреевич Лужинов. Как он и сейчас суетится, всем своим видом выражая заботу о начальнике: то улыбается, то шлет кому-то записку, то, вспомнив предстоящую разлуку, смахивает непрошеную слезу и сморкается, воспроизводя звуки тромбона.

А заседание между тем продолжается. Выступают ораторы, подчеркивают роль Сергея Петровича, восхваляют стиль работы Сергея Петровича, цитируют его резолюции.

Взошел на трибуну редактор, прочел стихи:

«Сергей Петрович, руку,
 Любимый рулевой,
 Запомним мы науку
 Твою и образ твой!»

Взошел управляющий делами и сказал:

— Уходит от нас Сергей Петрович. Не увидим мы больше его красивой мужественной подписи с круглым росчерком под отношениями и ассигновками. Не услышим голоса, скромно требующего чаю с лимоном. Не услышим звонка, дребезжанием своим зовущего к тому, кого... от кого... кем...

Управляющий делами зарыдал и освободил трибуну.

И, наконец, взошел на трибуну Павел Андреевич Лужинов. Сергей Петрович, слышав твердые шаги любимого сотрудника, смежил глаза от удовольствия и улыбнулся.

— Друзья,— начал свою речь Лужинов,— закатывается солнце Коровинска, в течение трех лет освещавшее наших граждан, партийных и беспартийных в равной степени! Только наши потомки в состоянии будут постичь все величие таланта товарища Хрякина. Возьмем киоск для продажи кваса, выстроенный на Базарной площади. Какая бездна фантазии вложена в его резьбу и окраску! А чья бездна? Чьей фантазии? Не секрет — Сергея Петровича! Далее. За годы пребывания Сергея Петровича в нашем городе неслыханно возросло количество древонасаждений. Ежели раньше в город-

ской черте мы имели каких-нибудь сто кустов, то теперь мы имеем уже сто семнадцать кустов! На посадку этих новых кустов было затрачено 28 кустодней или 224 человекокусточаса. О чем это говорит? О размахе. А кто размахнулся? Опять-таки Сергей Петрович...

Тут в зале возникло движение и некоторый шум: кто-то вошел и сел в заднем ряду. Всмотревшись в глубину зала, оратор продолжал тем же ровным голосом, полным сдержанности и внутренней силы.

— И вот товарищ Хрякин уходит!.. Ну что ж, скажем мы, невелика утрата. В работе товарища Хрякина было слишком много ошибок и досадных ляпсусов. И я не ошибусь, если скажу, что эти ляпсусы были ляпсусами оголтелого индивидуализма. Хрякин не любил своих товарищей по работе, замыкаясь в кругу деляческих интересов. Он не советовался с членами коллектива, он любил только свои ляпсусы. Конкретно, 224 человекокусточаса, затраченные на древонасаждения, можно сказать, пошли прахом, ибо древонасаждения задохли, не успев расцвести. Или возьмите ту же будку для кваса на Базарной площади. Это типичный образец заумной левацкой вкусовщины, каждой своей щепкою свидетельствующей о том, что товарищ Хрякин оторвался от масс...

Мертвая тишина стояла в зале. Все боялись пошевеливаться. Никто не ожидал от Павла Лужинова таких резких, уничтожающих слов. Сергей Петрович с'ежился и испуганно оглядывался вокруг, ища поддержки.

Лужинов между тем продолжал:

— Поэтому нужно прямо сказать: уезжайте, товарищ Хрякин, скорее из нашего города. Мы вас очень просим: уезжайте!

Сергей Петрович потихоньку, на цыпочках, вышел из президиума, быстро прошмыгнув в гардеробную, натянул пальто и, выйдя на улицу, сказал шоферу:

— На вокзал! Скорее на вокзал!..

Лицо Сергея Петровича выражало в эту минуту полнейшее смятение чувств. Уста произносили слова, ничего общего с литературой не имеющие.

А в зале, с трибуны, все еще продолжал говорить Лужинов. Голос его снова обрел медовый привкус. Он говорил:

— У нас сегодня двойное торжество: ушел Хрякин и на его место прибыл Иван Иванович Лакида — настоящий руководитель, дельный администратор! Товарищ Лакида уже десять минут назад вошел в этот зал. И что же? Он скромно сел в самом последнем ряду, показывая тем самым свой трогательный нрав и великую скромность большого человека. Ура, товарищу Лакиде, виват! Живю!

Все поднялись, кивками головы и подмигиванием указывая друг другу на ловкий маневр оратора.

Редактор занес в блокнот:

«Самокритическая речь т. Лужинова была покрыта продолж. аппл.»

Потом подумал и вставил:

«Продолж. бурн. аппл.»

Н. КРЭН

ОБИЖЕННЫЙ

Рис. Ю. Ганфа



— И как они смеют говорить, что у меня нет связи с массами, когда результаты налицо!

ДРУЗЬЯ

Они дружат уже давно, не меньше шести лет. Куда бы судьба ни забросила Ивана Степановича,—он всюду тянет за собой Николая Петровича, своего верного управдела и друга.

Спросите Николая Петровича его мнение об Иване Степановиче, и он скажет:

— Иван Степанович — большой человек, достойный руководитель. По сравнению, знаете ли, с некоторыми,—это Монблан, даже Гиндукуш. Это я без всякого подхалимства. Уж я-то его хорошо знаю: не один пуд соли с ним съел.

В свою очередь Иван Степанович пре-

красно отзывается о Николае Петровиче:

— В Николае есть что-то рыцарское,—говорит он,—это преданный солдат и замечательный работник.

Их отношения трогают нежной заботливостью друг о друге.

Утро. Иван Степанович только что приехал в Об'единение и сидит один в своем кабинете. Не стучась—по праву старой дружбы—в кабинет входит Николай Петрович.

— Здравствуй, Степаныч,—деловито говорит он.—Ты что желтый такой? И осунулся очень. Личико у тебя совсем

худое стало, с кулачок. Опять небось сидел до четырех? Не жалеешь ты себя, ох, не жалеешь.

— Ты сам что-то желтоват старик. Стань к свету. Ну, так и есть—желтоват. Заработался. Смотри у меня!

— Да мы что—мы люди махонькие, нас тысячи. А ведь таких, как ты, единицы. Ведь ты же Монблан,—Степаныч. Кроме шуток, нельзя так, Иван Степаныч. Надо отдыхать.

Николай Петрович делает паузу и заканчивает с грубоватой фельдфебельской ласковостью в голосе:

— Я, брат, уже позаботился о тебе. Вчера весь день сидел над сметой и придумал, как можно выкроить тебе малую толику на хорошеенькую мебель для твоей дачи. Завтра поедем на мебельную фабрику—закажешь.

— Удобно ли это, Николай?

— Я так проведу, что будет удобно. Не беспокойся. В таких делах цель оправдывает средства. Моя цель — заставить тебя отдыхать. Если на твоей даче будет уютно,—ты приедешь в выходной, не отвертись. А я кстати, распорядился и себе рядышком с тобой построить дачку. Махонькую-махонькую. Караулить тебя буду.

— Спасибо, спасибо. А как смета выдержит твою махонькую?

— Я тебе уже докладывал, что целый вечер сидел над сметой. Все обдумал, до последней детали. Комар носу не подточит.

— Ой, смотри, подточит!

— Не родился еще тот комар, который мне нос подточит. Ты меня не первый год знаешь, Степаныч.

Домой они едут вместе, хотя живут в разных концах города.

Вечером Иван Степаныч, оставшись наедине с женой, говорит ей горячо, искренно и нервно:

— Ты только подумай, какая это гадина. Я ж его насквозь вижу. Подхалим, жулик, ловчила. Как он ловко себе устроил дачку. Я ажнуть не успел, как мне уже пришлось подписать разрешение на постройку. Нет, нет, надо с ним кончать. Погубит он меня!

В то же самое время Николай Петрович за вечерним чаем жалуется своей супруге:

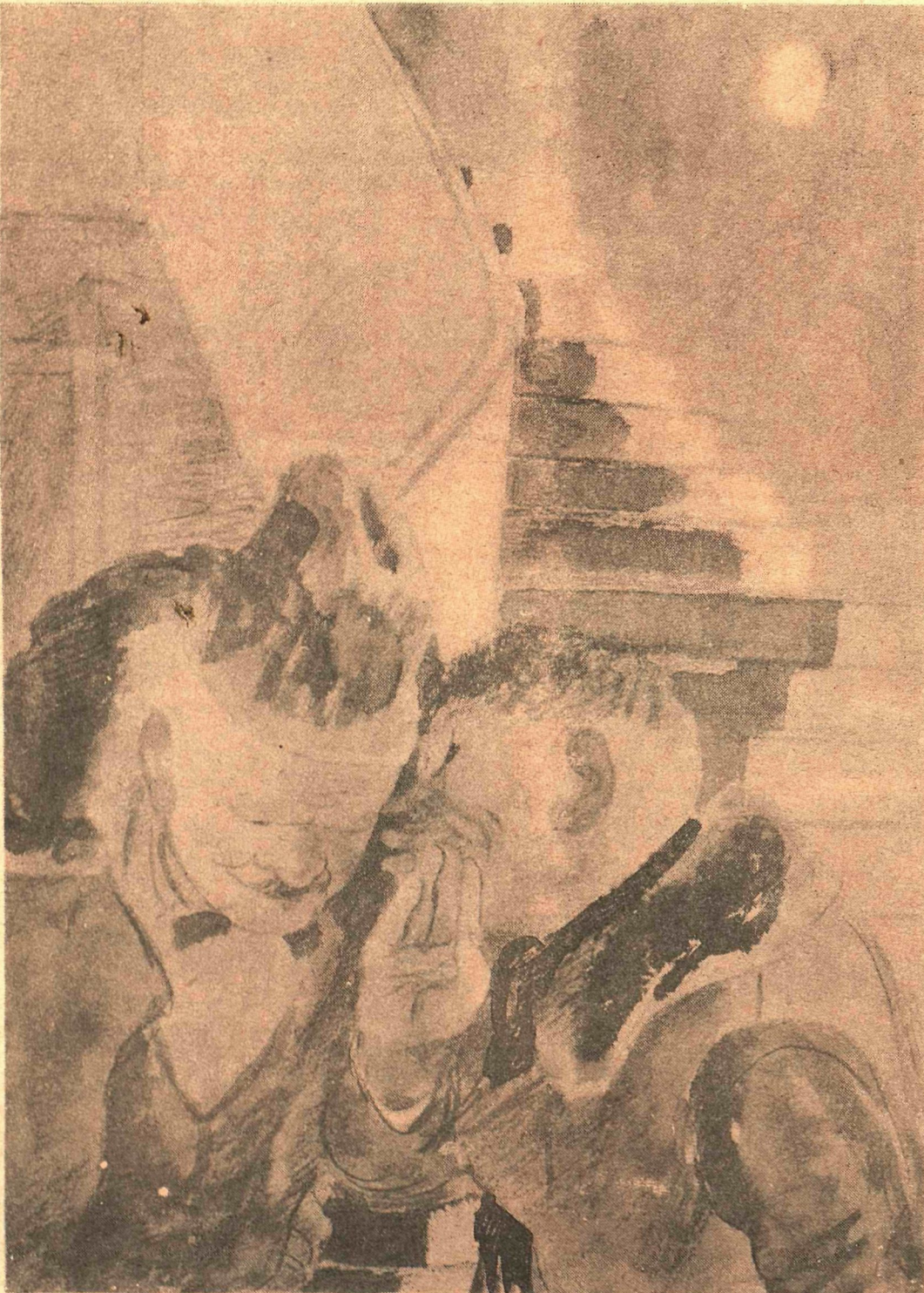
— Как я ненавижу этого зазнавшегося бездарного хама. Когда перед ним подхалимствуют, он от удовольствия закрывает глаза, словно кот, которому чешут за ухом... Ох, как ему не хотелось сегодня подписывать разрешение на нашу дачку. Я по его толстой морде это видел. Но пришлось подписать, ведь я его крепко за хобот взял. Он у меня вот где сидит (Николай Петрович показывает супруге кулак). Только надоела мне эта возня с ним, сил нет. Ей-богу, брошу я его, уйду к чорту.

Снова наступает утро — и опять Иван Степанович и Николай Петрович взаимно милы, ласковы и нежны.

«О, дружба,—это ты!»

НЕ МЫТЬЕМ, ТАК КАТАНЬЕМ

Рис. Л. Сойфертиса



— Смотри, не ошибись! Нового начальника нужно ругать: он любит самокритику.

Л. ЛЕНЧ

МЕЛКИЕ ГАДЫ

КЛОПЫ

— Товарищ стенографист, за меточку вы можете поместить? От седьмого барака.

— О чем?

— О клопах. Так и заглавливаем их в лоб: «Клопы!» Прямо ребят заели. В засыпке они, что ли, водятся. Ух, мы их и кроем!

— Давайте... Нет, в таком освещении они не пойдут. Не годится.

— В каком освещении? При освещении его, клопа, не видать: тварь хитрая. А ночью спичкой как чиркнешь, они врассыпную.

— Нет. Без параллельного достижения такое отрицательное явление пустить нельзя. Вы из какой бригады?

— Из сеничкинской.

— Так вы же железобетон на пять дней до срока выполнили, чего же вы здесь не пишете?

— Так то железобетон, а то клопы. Мы здесь на клопа подаем, жалуемся.

— Надо соединить.

— Хочешь, соедини. Тут, значит, песок, цемент, гравий, а супротив клоп. Только как бы ему от этого прикрыться не вышло. Вроде стучится.

— Ничего. Мы вот так напишем: не «Клопы», а «Не остановимся на завоеванных позициях!» Раз. А здесь: «...но есть у нас еще уголок, где редкие насекомые, почти микробы...»

— Да ты поди, ляжь! Ты ляжь!.. Они в твою запонку!.. Нет, коли так смазывать будешь, вертай. Не гадь нам бумагу. Мы их, как до тебя, керосином гнать будем.

— Подожди. Можно и одних клопов выделить. Тогда так: «Последыши царского режима».

— Чудак! Да барак-то новый! Гнева у нас настоящего, пролетарского на клопа нет, вот что.

— Все равно: клоп не наш, не советский.

— Да ты его как там хочешь крести! Только бы вывести.

— Ладно, иди. Прощай... Напишем об этом так: «Не останавливаясь на новых победах, одержанных под непосредственным руководством начальника нашей стройки товарища Пухова, осуществим выброшенный им лозунг «За гигиену и чистоту нашего быта!» Бригада Сеничкина».

САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

— Василий Петрович, здесь надо вам подмахнуть.

— Под чем?

— Билетик я вам заказал. На строительство.

— Почему же в международном?

— Других не было-с.

— Хорошо... Но почему же так дорого?

— Маленькое купе-с. На два места.

— Почему не большое?

— Потому что, думаю я, своим людям спокойней так ехать.

— Каким своим людям? Разве я не один еду?

— Никак нет. Экономистка из планового отдела едут. Анна Андреевна.

— Гм... Разве я приказал?

— В порядке самодеятельности.

— Чьей?

— Моей-с. Женщина молодая, красивая, а планирует в полном отрыве от производства.

— Ну?

— Поедет на стройплощадку, физических рабочих увидит.

— Как это неловко.

— Анна Андреевна живут по этой дороге; в Кускове садут.

— Вот не люблю с женщинами в одном купе ездить. Ни раздеться нельзя, ничего.

— Факты покажут, Василий Петрович... Позвольте, я промокну-с.

ПИРОЖОК

— Гражданин продавец, возьмите образно ваш пирожок!

— Почему это?

— Он пустой. Тут у вас написано «с мясом», я взяла, а вместо того у него внутри ничего нет.

— Ну и что же?

— Я прошу обменять его на другой: с начинкой.

— Как же я могу его теперь обменять, раз вы его прокусили?

— Но чем же я виновата, что у него внутри один воздух!

— Был воздух, а теперь вы его прокусили и воздух выпустили. Теперь в нем и совсем одно тесто.

— Я требую обменять его. Он без начинки. Безобразия какое!

— Гражданочка, не волнуйтесь, надо вперед смотреть, а потом кушать.

— Смотреть! Да что я с собой рентген носить буду?

— Гражданочка, теперь сквозь стальные болванки и то насквозь люди видят. А вы по виду сознательная.

— Продавец...

— Гражданка! Не мешайте товарищу продавцу культурно работать.

— Пр...

— Гражданка! Продавец совершенно прав... Товарищ гражданин продавец, позвольте мне пирожок, который погорячее... И с начинкой, насколько вам ваше знание позволит. Гражданка, посторонитесь.

Г. ЛАНДАУ

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

МИНУС НА МИНУС

То и дело начальник Блохин кричал на старшего бухгалтера Бобинова басом:

— Дрова вам рубить, а не этим делом заниматься!

— Я понимаю, — тихо отвечал Бобин, — но это же пустяковая ошибка.

— Что?! — басил Блохин. — Надо без ошибок работать, а то вон идите уборщицей лестницы мыть, нечего здесь место занимать.

Бобин молчал. Сотрудники советовали ему потом:

— Одернул бы ты его хоть в стенгазете, что ли. Нельзя же разрешать ему так орать...

Бобин молчаливо отмахивался.

Вечером перед каждым выходным днем в учреждении собирался хор. Начиналась спевка под управлением регента Бобинова. Басы стояли сзади. Среди них возвышался Блохин. Он врал в пения чаще других. Тогда Бобин сердито морщился, махал камертоном, топал ногой и начинал кричать на Блохина:

— Врет! Врет все! Дрова вам пилить, а не пением заниматься. Чорт знает что такое, лезут тут всякие!

— Да ведь пустяковая ошибка, — тихо говорил Блохин, сворачивая трубкой ноты.

— Пустя-яковая! — кричал Бо-

бинов. — Из-за этой пустяковой весь хор должен снова начинать! Ну-ка, еще один снова!

И топал ногой, косясь на пальцы Блохина, в которых дрожали ноты.

БУРА

Сотрудник, записавший доклад председателя рика Степана Степановича, поставил скобки и закончил:

«(Аплодисменты.)»

Секретарь редакции, просматривавший рукопись, сказал:

— Что тебе Степан Степанович — доярка, что ли: «(Аплодисменты)»?.. Он бы такой скандал за эти «аплодисменты» устроил...

И вставил в скобки:

«(Продолжительные аплодисменты)».

Редактор, прочитав статью, вызвал секретаря и сказал:

— Вы что меня закопать хотите? Сами пишем, что Степан Степанович сделал яркий доклад и вдруг — «(Продолжительные аплодисменты)». Удивили!.. Что вам Степан Степанович — председатель колхоза?.. Он бы такую бурю закатил...

— Ну, а как же с этой бурей бороться?

— С бурей? Бурей же и бороться...

И переправил в скобках: «(Бурные аплодисменты.)»

КОРОТКОЕ ЗНАКОМСТВО

Одно значительное лицо, приехав на завод, ходило с директором по цехам.

— Вот что, брат, — сказала неожиданно значительное лицо директору, — а бываешь ты часто здесь? Знают тебя в лицо или нет?

— Должны бы знать, — неуверенно пожал плечами директор.

— А ну, давай проверим...

Значительное лицо остановило проходившего мимо рабочего и спросило:

— Давно, товарищ, работаете на этом заводе?

— Одиннадцатый год.

— Так. А скажите, кто это вот со мной рядом?

— Это?.. Да это... Да это ж директор. Ага, директор!

— Знаете, значит, — улыбнулось значительное лицо, — часто заходит к вам?

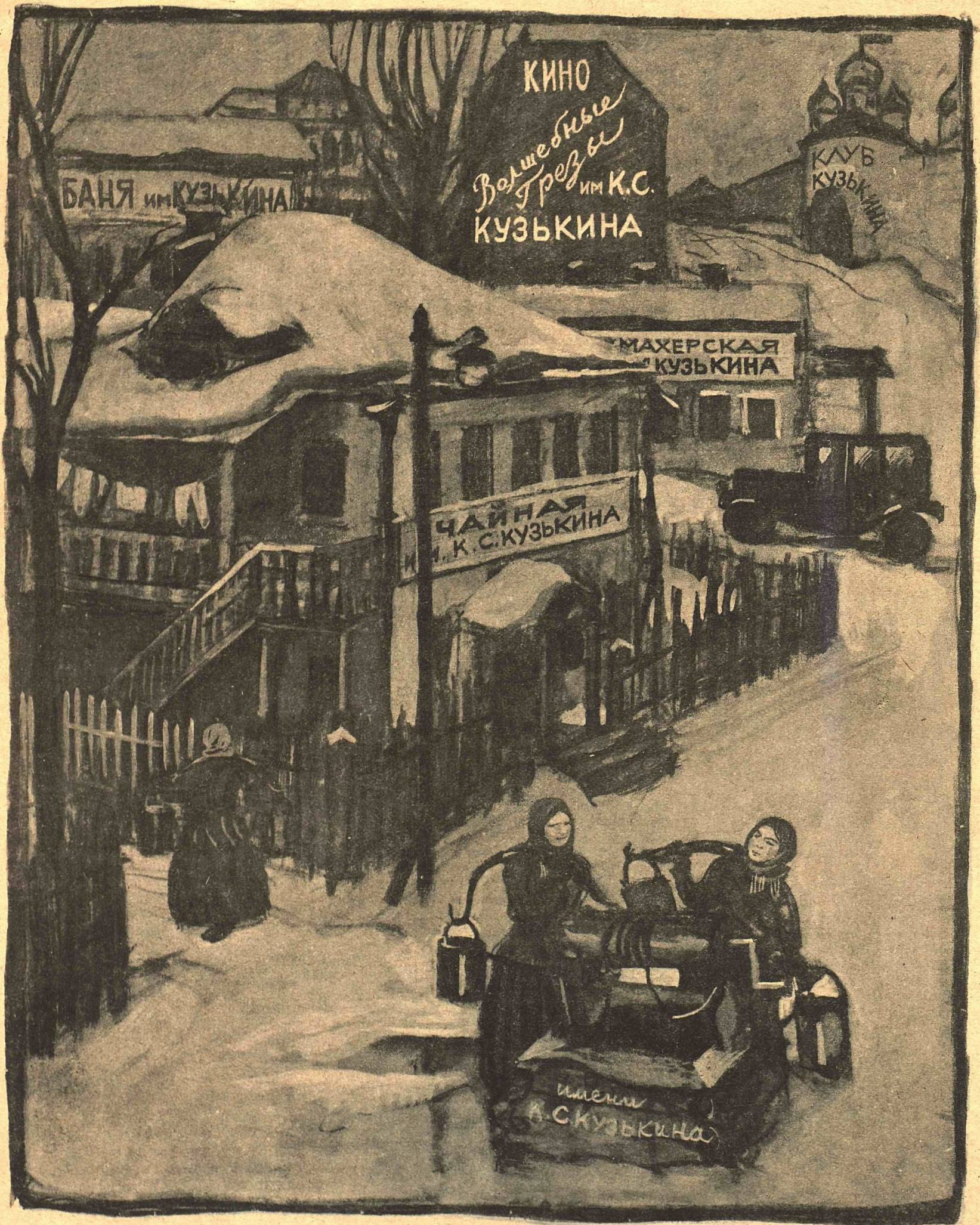
— Да здесь мне его видеть не приходилось, — ответил рабочий, — а только личность хорошо знаю... А потому что в заводской газетке чуть не через день его портрет печатают. То какой-то юбилей, то еще чего... Ну и запомнили...

Директор уже не улыбался.

В. ТОБОЛЯКОВ

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА

Рис. М. Черемных



Кто в этом городе председатель горсовета?



— Тебе работать еще труднее. Твой начальник вдвое грубее моего.
 — Да, но ведь зато и оклад у меня вдвое выше.

ГРАЖДАНЕ, ЗАДАВАЙТЕ ВОПРОСЫ!

(КОНСУЛЬТАЦИЯ КРОКОДИЛА)

ОТВЕТЫ ДАЕТ СТАРШИЙ КОНСУЛЬТАНТ К. А. ФРОЛОВ, БРАТ КОМЕНДАНТА КРОКОДИЛА И. А. ФРОЛОВА

Вопрос: Хочется понаряднее оформить районную партийную конференцию, чтобы порадовать нашего доблестного секретаря тов. Перелекина. Посоветуйте.

Спрашивает управделами N-ского райкома тов. Жук-Жученко.

Ответ: Нам понравилось, как чувствовали секретаря Ермаковского райкома (Красноярский край) тов. Щенникова. Ему поднесли корзину цветов, из которой в момент подношения выскочил сынок тов. Щенникова и приветствовал своего славного папу. Сделайте тоже, но в более широком масштабе. Например поднесите тов. Перелекину макет коровы в натуральную величину (кстати, ваш район имеет животноводческий уклон), и пускай в момент подношения из коровы вылезет жена тов. Перелекина и обе дочери и споют какую-нибудь там персональную кантату. Кантату закажите заранее бывшему регенту Сладкогласову. Он живет в вашем городе на улице Робеспьера, дом № 28. Потом пускай бранд-майор вашей пожарной команды, в полной форме, при каске и топоре, отдаст тов. Перелекину рапорт. Это тоже действует возвышающе. После конференции не забудьте закатить банкет.

Вопрос: Нахожусь в затруднительном положении. Редакция заказала мне статью о пьесе драматурга Столбунова. Пьесочка дрянь. Но Столбунов близок к тов. X, который в свою очередь близок к тов. Z. Как мне быть: ругать пьесочку Столбунова или наоборот — хвалить? (Спрашивает критик М.)

Ответ: Голубчик, нам ли вас учить! Вы же мастер своего золотого пера. Вы, ангел, так пишете, что сам чорт не разберет: хвалите вы пьесу или ругаете. Действуйте самолично, без посторонних советов.

Вопрос: У директора треста, портрет которого я пишу, под носом шишка. Третью ночь не сплю, думаю: писать мне его с шишкой или таковую убрать? Скажите хоть вы. (Спрашивает художник Н.)

Ответ: Пишите без шишки. А буде тов. директор хватится, скажите:

— Фу ты, чорт, я ее даже и не заметил вовсе!

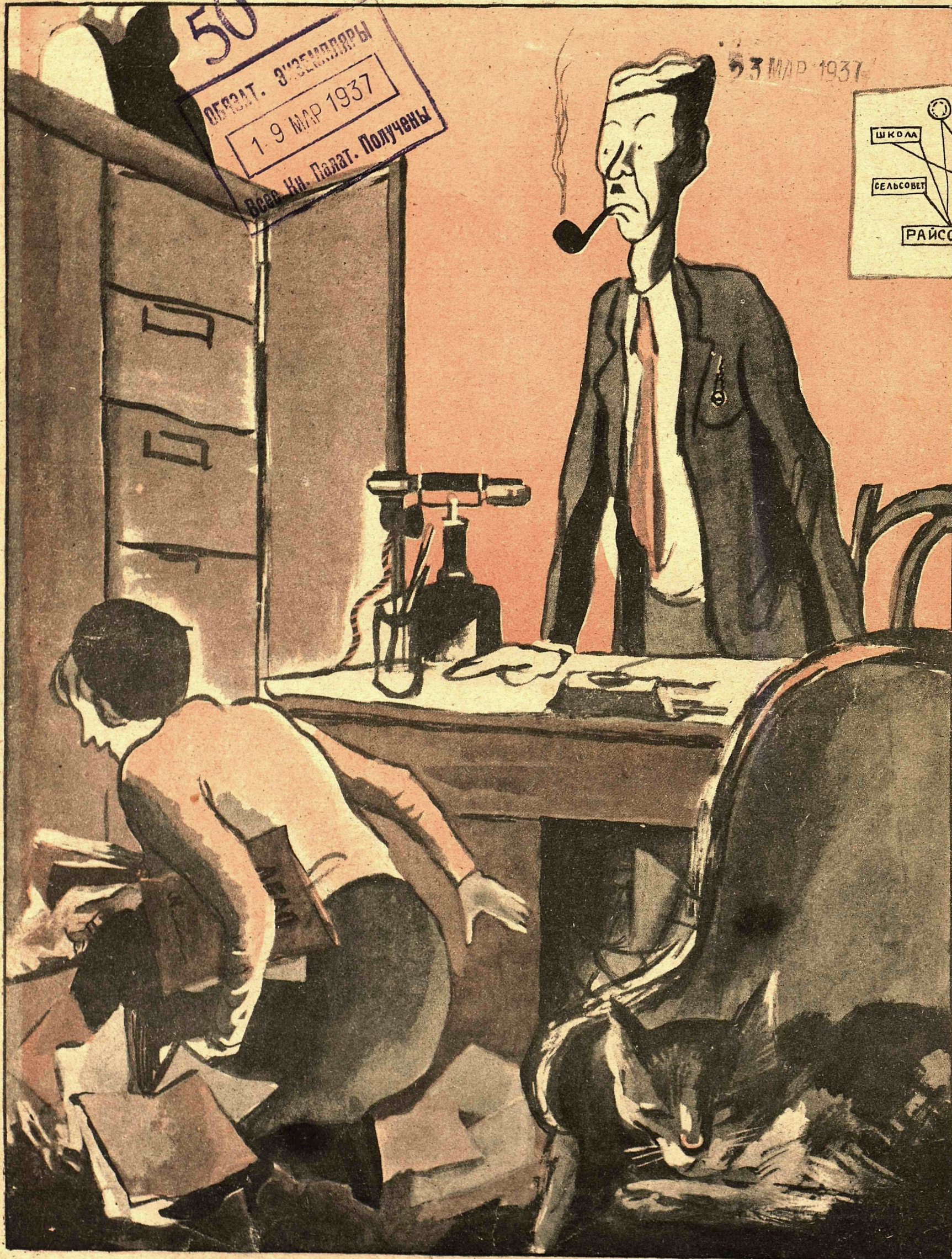
И при них присобачьте им под носик ихнюю шишечку. В несколько уменьшенном формате.

Вопрос: В нашу редакцию поступает очень много рапортов и приветствий на имя наших славных районных руководителей. Я их печатаю в газете по силе возможности, но многое все-таки не влезает. Что делать, чтобы ни один рапорт не пропал?

(Спрашивает районный редактор, пожелавший остаться неизвестным.)

Ответ: Можно устраивать громкое зачитывание полученных рапортов с балкона редакции. Желательно провертывать это дело в базарный день. Поручите это дело вашей уборщице, дабы не загружать занятых литсотрудников.

Рис. Л. Бродаты



— Безобразие! Крысы себе гнездо сделали из партдокументов!
 — А мы в парткоме kota держим! Немедленно прогнать бездельника.